

Конференция «Слово о словах»

Слово в абсурдистском тексте

Языковые эксперименты абсурдистов со всей очевидностью демонстрируют отвержение болезненно правдивой репрезентации мира, предложенной классической словесностью. В традиционной психологической литературе слово являлось средством рефлексирующего самоописания, языковая техника основывалась на безусловном доверии слову автора, выражающего один из вариантов истины человеческого. Принципиальная непознаваемость истины насилия и боли, по мысли абсурдистов, нуждается во внерациональном антропоморфном языке, не скованном риторикой и напрямую транслирующем идею бессмысленной жестокости и страдания, не формулируемого в пышных метафорах и отточенных сравнениях.

Для драмы абсурда вопрос языка становится ключевым. В абсурде слово лишено феноменологического опыта, оно заключено в семантическом узилище копируемых им предметов. Избыточная субъективность и философские вопрошания классики сменяются в абсурде схематизмом редуцированной до минимума риторики, аутентичной миру, утратившему спонтанность импровизации. Общение в драме абсурда происходит в регистрах нелепости и алогизма, полужнания и необоснованных экстраполяций, выявляющих реакции на обрывки где-то пребывающих смыслов. Персонаж абсурда похож на аутиста-дебютанта реальности, не предназначенной для жизни, у него нет накопленных идей, в его речи отсутствуют образность, логика риторической практики и прочие атрибуты, некогда в классике символически структурировавшие повседневность, в наличии лишь аутентичное природе мира злоупотребление привычными

культуре нормами. В текстах абсурда язык лишается привилегированного положения быть равным истине, обретение которой гарантировалось риторическим многоглаголием классической культуры.

Абсурдистское свержение языка с его высокого трона, отмена постулатов традиционной художественной повествовательности свидетельствует о новой геометрии языковой игры, в основе которой лежат эмпирико-позитивистские правила пользования речью, не желающей хранить преданность традициям гипернарративной словесности.

Э.Ионеско так определяет специфику нового языка: «Если же у некоторых авторов речь превращается просто в дискуссию, то это большая ошибка с их стороны. Существуют и другие способы драматического преобразования речи: например, через доведение ее до пароксизма, помогающее театру обрести подлинное лицо, определяющееся переходом за рубеж умеренности; само слово доводится при этом до крайней черты напряжения, а речь почти взрывается и уничтожает саму себя, столкнувшись с невозможностью вместить всю полноту смысла».

Чтобы понять феномен абсурдистской практики пользования языком, необходимо провести демаркацию близких, казалось бы, понятий: жест и эффект жеста. Ориентированное на тождество эмпирике слово абсурдиста – это жест, уточняющий параметры человеческого существования, представленного темами насилия и утраты, которые, собственно, не ощущаемы персонажами. Расцвеченная метафорами и сравнениями речь автора и героя классической культуры – это эффект жеста, силящегося подтвердить свое тождество некой реальности.

Драма абсурда выбирает «разговорный» уровень в обсуждении темы человеческого существования. С этой целью она устраняет лексическое и стилистическое наследие и эмблематику традиционного литературного нарратива, отказывается от красотостей, подвижной вариативности, смыслового плюрализма и прочей атрибутики устаревшего к XX столетию стиля художественной самопрезентации.